

3. Леонтьев А. А. Что такое деятельностный подход в образовании // Начальная школа плюс. 2001. № 1. С. 3—6.
4. Леонтьев Д. А. Очерк психологии личности. М.: Смысл, 1993.
5. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд. М.: Смысл, 2003.
6. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / сост., пер. с фр., предисл., коммент. А. Б. Гофмана. М.: КДУ, 2014.
7. Рабинович В. Л. Человек в культуре. Введение в метафорическую антропологию: учебное пособие. М.: ФОРУМ, 2008.
8. Сорокин П. А. Американская сексуальная революция. М.: Проспект, 2006.
9. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисловие А. Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992.

УДК 008

И. Е. Фадеева

**Конфликт репрезентаций: языки культуры
в ситуации распада семиозиса¹**

Статья посвящена семиотическим аспектам социального и культурного взаимодействия. Акцент ставится на проблеме репрезентации; автор определяет ее с точки зрения экзистенциальной рефлексии и трансцендирования субъективности. Автор утверждает, что современная культура характеризуется не только собственно социальным, но главным образом интеллектуальным расслоением. Это связано не только с утратой некогда единых оснований культуры — религиозных,

¹ Статья написана по материалам доклада на XII Международной научной конференции «Семиозис и культура: языки, коды, практики» (Сыктывкар, 27—28 мая 2016 г., Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина).

идеологических или эстетических, но и главным образом с крайней диверсификацией языков и кодов культуры. Избыточность коммуникативных возможностей определяет, с одной стороны, состояние гипер-коммуникации, но с другой — создает ситуацию вымывания коннотативных смыслов, интертекстуальных взаимодействий и диалога как фактора расширения индивидуального сознания и культурогенеза.

Ключевые слова: репрезентация, коды культуры, семиотическая деструкция, культурогенез, гипер-коммуникация, экзистенциальная рефлексия, трансцендирование субъективности.

Fadeeva I. E. The conflict of representations: cultural codes at the situation of semiotics destruction

The article is dedicated the semiotic aspects of social and cultural interaction. The emphasis lies on the problem of representation; the author defines it from the standpoint of existential reflection and transcending of subjectivity. The author says that the contemporary culture is characterized not only social, but intelligent (in this case, semiotic) multiplicity. This is due not only with the loss of the once common cultural grounds — religious, ideological or aesthetic, but also especially with extreme diversification of cultural languages and codes. It is the excess of communicative possibilities determines, on the one hand, the state of hyper-communication, but on the other hand, creates a situation of extinction connotative meanings, intertextual interactions and dialog as a factor of expansion of individual consciousness and cultural genesis.

Keywords: representation, cultural codes, semiotics destruction, cultural genesis, hyper-communication, existential reflection, transcending of subjectivity.

Констатация кризиса (переходности) современной культуры — общее место гуманитарных исследований. Начиная с постулирования кризиса западной философии (В. С. Соловьев), обоснования кризиса европейских наук (Э. Гуссерль) и человека (Р. Генон) и заканчивая предощущением антропологического кризиса и катастрофы (М. К. Мамардашвили), культурологические и культурфилософские высказывания на эту тему продолжают появляться сегодня в терминах «смерти» или «конца» (искусства, автора, истории, субъекта и т. д.). Задачей этой статьи является анализ когнитивных и экзистенциальных факторов кризисных явлений и процессов, конечной целью которого должен стать поиск конструктивных решений по их

преодолению или трансформации. Не умаляя значимости экономических, социально-политических, религиозных, цивилизационных факторов, отметим роль семиотических процессов, совокупность которых следует определить как ситуацию *деструкции семиозиса*, или как его *коллапс*.

Очевидными, на наш взгляд, представляются два уровня семиотической деструкции. На уровне индивидуального сознания она проявляется как невозможность для индивида понимать и порождать тексты, что более чем очевидно, если учесть продолжающееся воздействие ЕГЭ. На социальном уровне — как все более очевидная неспособность культуры в целом порождать новые идеи (с чем во многом связана безуспешность поисков национальной идеи, национального мифа, или «духовных скреп»). Факты, подтверждающие диагноз, казалось бы, лежат на поверхности: это крайняя бюрократизация всех сфер социального взаимодействия — опосредованность клишированными формулами, формальными стандартами, механической регламентацией всех видов профессиональной деятельности; дискурсивные (или, точнее, нон-дискурсивные) практики блогосферы; клишированность (формульность) повседневной коммуникации; симптоматика «смерти искусства».

Центральным моментом проблемы является многофакторный процесс, затронувший все сферы социокультурной коммуникации: *вытеснение репрезентации* (связанной с когнитивно-экзистенциальным самообоснованием индивида) — механической *презентацией* (визуализированной, часто стандартной формой представления «готовых» теорий или проектов). К примеру, редкий доклад на научной конференции, лекция в студенческой аудитории или выступление на рабочем совещании обходятся сегодня без визуальной презентации. Охвативший культуру тренд всеобщей визуализации (иконический поворот), имеющий собственную, весьма непростую, диалектику, с одной стороны, является одним из когнитивных механизмов, определяющих *продуктивность* конструирования знания, но с другой — будучи «презентован», *завершает* динамику разворачивания этого конструирования. И другой аспект этой диалектики: иконический поворот, пишет И. Инишев, «с одной стороны, представляет собой продолжение внеобразного опыта, а с другой стороны, *прерывает его течение*, привнося в него содержания, спонтанно сформиро-

вавшиеся и *стабилизировавшиеся* в специфически образном медиуме» [1, с. 185] (*выделено мной — И. Ф.*). А это значит, что практики «эйдетического» созерцания — «инсайтного» видения *смысла* и его динамического развертывания в процессе субъективной интеллектуальной деятельности — обрывается, сменяясь статичными («затвердевшими») формами уже не изменяемых зримых «образов», но при этом таких образов, которые обладают не всегда проявляемой самостоятельной семантикой. Причем именно их непроясняемость определяет возможность и эффективность манипулятивного воздействия на сознание адресата. Иными словами, «специфически образный медиум», представляя собой уже свершившийся, «готовый» код социального взаимодействия, еще более, чем естественный язык, оказывается способен к агрессивному вторжению в когнитивные и аксиологические процессы индивидуального сознания.

К тому же, если иконический поворот, как справедливо утверждает И. Инишев, является комплементарным по отношению к лингвистическому [1, с. 187], включаясь в общий процесс медиатизации культуры и коммуникации, то очевидным становится доминирование кода (*media*) над смыслом. По-другому это можно определить как доминирование внешних форм коммуникации (социальности) над внутренними, вообще коммуникации — над рефлексией (экзистенциальной рефлексией), превращение коммуникации и социальности — в гиперкоммуникацию и гиперсоциальность. Экзистенциальная рефлексия представляет собой, на наш взгляд, обязательное условие субъективности. И хотя состояние экзистенциальной рефлексии вполне может достигаться в том числе и посредством «погружения в эстетический объект» [1, с. 195], сама мозаичность, фрагментация визуального пространства, ускоряя темпы восприятия и «считывания» необходимой информации, фактически пресекает возможность такого погружения. К этому нужно добавить доминирование экранной культуры, существенно ограничившей возможности интеллектуального (эйдетического) созерцания.

На наш взгляд, состояние семиотического кризиса во многом обусловлено кризисом оснований субъективности. Причем в нашем случае речь не идет о теоретическом конструкте, получившем название «смерть субъекта», то есть о пересмотре сущности понятия картезианского субъекта и, как следствие, об изменении философско-

го и научного дискурсов. Речь идет о деструктивных изменениях на уровне *повседневного сознания* — о *десубъективации* как универсалии современной культуры.

Репрезентация субъективности оказывается невозможной вследствие присущей самой субъективности, разъедающей ее изнутри энтропии — и возможной исключительно в процессе порождения смысла как экзистенциального по своей сути процесса.

Говоря о репрезентативности, нужно выделить два ее уровня:

1) первичный уровень ментальной репрезентации (связанной с эстезисом — эстезисом в широком смысле, включающем в себя и эйдетическое созерцание);

2) уровень вторичной репрезентации — выражение глубинного смысла посредством культурных кодов — собственно семиозис.

Согласно Е. С. Кубряковой, ментальная репрезентация является представлением мира в сознании человека, фигурой «замещения» реального или вымышленного в «мыслительных процессах», в результате чего само восприятие оказывается опосредованным репрезентациями [3, с. 157]; репрезентация рассматривается как имманентный сознанию процесс взаимодействия сознания и реальности. Последнее утверждение требует дополнения с учетом роли репрезентативных механизмов в динамике культурогенеза и социокультурной коммуникации. Для этого нужно взглянуть на проблему с другой стороны — с точки зрения производства смысла, с обязательным учетом того, что смысл не является равной самой себе семантической монадой, но, существуя в коммуникации, представляет собой процесс расширения, семантического и аксиологического саморазвития индивидуального сознания.

Отслеживание исторических изменений репрезентации, однако, является в то же время и отслеживанием ее философской рефлексии, от Декарта до постмодерна (от классической до постнеклассической рациональности, по В. С. Степину [6]) изменяющей понимание процессов соотношения сознания, реальности, кода и коммуникативного / социального взаимодействия. Если для классической эпохи европейского Модерна репрезентация предстает как выражение субъективности (порождаемых в процессах *cogito* смыслов) — или же как использование субъектом готовых кодов для передачи порождаемых им смыслов (что, добавим, точно вписывается в извест-

ную модель Р. О. Якобсона), а в неклассическую эпоху смысл оказывается не только опосредованным репрезентацией и ее кодами (как готовыми, так и вновь порождаемыми — начиная с трансформаций поэтических языков и живописных или музыкальных форм и заканчивая языками описания в рамках естественно-научного и математического знания), а также продуцирующей деятельностью адресата-интерпретатора, то ситуация постнеклассики существенно меняет это соотношение. Теперь сама репрезентация (готовые коды) есть порождающий смыслы актор, механизмом же этого порождения становятся многообразные социокультурные контексты, как бы позволяющие видеть новые грани смысла, проецируемые на опять-таки порождаемую в процессе многолинейной коммуникации субъективность (субъективность децентрированного субъекта).

Современная культура характеризуется не столько социальным, сколько очевидным интеллектуальным (в нашем случае семиотическим) расслоением. Причины его связаны не только с утратой некогда единых оснований — религиозных, идеологических или эстетических, но и прежде всего с диверсификацией собственно культурных языков и кодов: избыток коммуникативных возможностей определяет, с одной стороны, состояние гиперкоммуникации, но с другой — создает ситуацию вымывания коннотативных смыслов, ощутимости интертекстуальных взаимодействий, собственно диалогизма как фактора расширения индивидуального сознания и культурогенеза. При этом не последнее значение имеет отмеченное еще Ю. М. Лотманом различие языка и собственно кода («Язык — это код плюс его история» [4, с. 13]) — различие языка как творческого процесса в его историко-культурной динамике и кода как результата, как затвердевания языка, сдвига от коннотативной избыточности к конвенциональной однозначности. В целом это различие в существенной мере также может быть понято как фактор культурогенеза (или его отсутствия) и результативности индивидуальной и социокультурной коммуникации: при вытеснении языка затвердевшими кодами происходит замирание и стагнация производства культуры. Однако сама по себе ситуация диверсификации культурных языков и кодов неоднозначна, двойственна. В качестве наиболее значимых факторов, определяющих эту двойственность, следует назвать, по крайней мере, два.

Фактор *интеллектуальной диверсификации*: с одной стороны, маргинализация существенной части населения — с другой, несомненный рост собственно интеллектоемких научных, социокультурных, художественных практик.

Фактор крайней *бюрократизации* общественной и коммуникативной среды, сдвигающей лавину долю социальных коммуникативных взаимодействий в сторону использования готовых форм обозначения (кодирования) информации, притом, что сама информация имеет чаще всего фиксирующий, «отчетный» характер. Бюрократизированные формы коммуникативного взаимодействия лишают коммуникацию ее важнейшей составляющей — диалогизма, что приводит к распаду коммуникации как таковой, поскольку бюрократический обмен заполненными «формами» (отчетов, представлений, служебных записок и т. п.) сначала превращает коммуникантов в обезличенные функции документооборота, а затем приводит к «смерти» не только автора, но и адресата коммуникации. Причем очевидная гиперкоммуникативность и, как кажется, поэтому гиперсоциальность современного социума, крайняя бюрократизация всех социальных связей обуславливает доминирование того, что С. Крипке назвал «жесткими десигнаторами» [2, с. 351], суть которых обусловлена однозначной соотнесенностью слов и вещей во всех возможных мирах. Трансформация языка как процесса творческого порождения смысла в однозначную соотнесенность знака и референта прекращает действие механизмов неоднозначности, «схлопывая» «возможные миры» в двухмерную плоскость. Причем в варианте бюрократической коммуникации обозначаемый референт представляет собой нормативную конвенциональную фигуру, не имеющую сущностных признаков и обладающую исключительно внутрисистемной семантикой.

Очевидно, однако, что десубъективация стала не только фактором деструкции семиозиса, но и обнаружением новых уровней субъективности. Говоря о первичности репрезентации в духе постструктурализма Р. Барта — об авторе как о «скрипторе» и, соответственно, о «смерти автора» («смерти субъекта»), не следует абсолютизировать эту проблему: исчезновение субъекта как *автора высказывания* не означает исчезновения автора (субъекта) как *экзистенциальной инстанции* репрезентируемой интенции, притом что отказ от автор-

ства в процессе высказывания приводит к отнюдь не однозначным двойким результатам.

С одной стороны, это отказ от любого социально легитимного кода в ситуации идеологической и семантической девальвации и, как следствие, коммуникативная эхолоалия (механический повтор чужого текста) или даже афазия, частным случаем которой, например, является «стягивание» индивидуального тезауруса к нескольким устойчивым сигналам общенного характера, или, напротив, замена социальных коммуникативных языков и кодов — ситуацией, жестом (в роли такового могут выступать, помимо собственно языков тела, также вещи). В случае же попадания жеста в рамочный контекст выставки или музейной экспозиции происходит его репрезентация, примерами чего могут служить художественные практики от Марселя Дюшана до Олега Кулика. Такого рода коммуникативное событие представляет собой именно экзистенциальный жест, смысл которого диктуется экзистенциально-рефлексивным актом (в обоих приведенных примерах аналогичным названию известного стихотворения В. Маяковского «Нате!» — ср. «... Я захохочу и радостно плюну...»). На наш взгляд, современная культура позволяет говорить именно о кризисе репрезентации, которая — при отказе от любого кода — сменяется *жестом*: этот поворот обнаруживает себя как оппозиция лингвистическому повороту и представляет собой своего рода *pendant* иконическому. Причем в данном случае следует говорить о собственно *нерепрезентативном жесте*, указывающем на нерасчлененный смысл и имеющем экзистенциальную природу, жесте, принципиально не вписывающемся в стратегии вербализации и визуализации и не прошедшем через процедуры первичного (ментального) означивания.

С другой стороны, это производство новых кодов, обоснованных новым качеством субъективности, расширение которой за счет включения во все более обширный информационный и культурный контекст, а также в результате расширения собственно индивидуального сознания, все более многосторонне использующего резервы памяти и собственные ассоциативные возможности, приводит к осознанию недостаточности известных (легитимных) культурных кодов. Причем понятно, что речь здесь может идти вовсе не только о художественных, но и об интеллектуальных практиках в целом: на-

пример, то же происходит в естественно-научном знании, когда новый взгляд на исследуемый объект (конструирование предмета исследования) определяет необходимость формирования новых языков его описания.

Репрезентация во внешние формы социокультурного семиозиса вне этапа первичного означивания становится характерной для XX столетия практикой абсурдистского письма (например, в поэтике обэриутов) или отказом от известных языков и кодов — например в практиках реди-мейд. Очевидно, что в случае, например, М. Дюшана обе эти возможности совпадают. Вещь как репрезентант себя, смысл которой тождествен самой вещи, становится практикой саморепрезентации, продолжающей уже известные тренды художественных практик конца XIX столетия (характерным, например, является рассуждение М. Хайдеггера о картине В. Ван Гога «Крестьянские башмаки», раскрывающей «вещность вещи»). Стремление к непосредственному выражению смысла (означиванию символического или эйдетического созерцания) пародийно удваиваются в практиках реди-мейд и в абсурдистской поэтике. Репрезентация оборачивается иронической саморепрезентацией, жестом отрицания, предметом которого является не вещь, а адресат этого жеста.

Представляется более чем очевидным, что ключевой проблемой в обоих случаях оказывается смысл, поскольку репрезентация представляет собой поднимающееся из глубин личности смысловое интенциональное движение, имеющее целью эйдетическое созерцание, а затем семиотизацию, означивание этого довербального и докоммуникативного опыта (опыта как интегрированного взаимодействия интенций, ценностей, восприятия и практического действия). В структуре репрезентации следует выделить два аспекта.

Репрезентация является способом трансцендирования «я» (смысла) в иное (в текст(ы) культуры) — трансцендирования как одного из высших, холистических (соединяющих познание и ценности), согласно А. Маслоу, уровней человеческого сознания, поведения и отношения [5, с. 311], а тем самым прояснения и артикуляции (визуализации) смысла. О связи трансценденции с самой сутью субъективности говорит также М. Хайдеггер: «...трансценденцию можно раскрыть и уловить не через бегство в объективное, но через постоянно возобновляемую онтологическую интерпретацию субъектив-

ности субъекта, работающую настолько же в направлении противоположном “субъективизму”, насколько вынужденную отказать в следовании “объективизму”» [7, с. 206].

Репрезентация обладает экзистенциально-рефлексивной природой — то есть обращает индивидуальное сознание не только к «реальности духа» (С. Франк), но и к *непроясненному* смыслу, не покрываемому семиотическими формами, но существующему как непосредственное эйдетическое (интеллектуальное) созерцание.

Оба эти процесса при всей их разнонаправленности образуют симультанно протекающее единство экзистенциальной рефлексии и самотрансцендирования, в случае распада которого или отсутствия одной из его составляющих происходит деформация субъективности (десубъективация), отчетливо наблюдаемая сегодня на уровне повседневной, деловой и художественной коммуникации, а также в процессах социокультурного взаимодействия. Главным проявлением этой деформации становится кризис репрезентации — или, что то же самое, семиотическая деструкция.

* * *

1. Инишев И. «Иконический поворот» в теориях культуры и общества // Логос. 2012. № 1 [85]. С. 184—211.

2. Крипке С. Тожество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Радуга, 1982. Выпуск XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции).

3. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1997.

4. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992.

5. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011.

6. Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский Дом «Мирь», 2009. С. 249—295.

7. Хайдеггер М. Что такое метафизика? М.: Академический Проект, 2013.